

УДК 398

ББК 82.3(2=411.2)

ПЗ17

О. В. Печинкина
Архангельск, Россия

УСТНЫЙ РАССКАЗ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ ИСЧЕЗНУВШЕЙ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ)

Статья нацелена на воссоздание образа родной деревни, её восприятия и воспоминаний о традиционном укладе жизни деревни Туровская Архангельской области через устные рассказы человека, родившегося и выросшего в данной деревне. Рассматриваются предания о наименовании деревни, устные рассказы о быте деревни в 30–50-х годах XX века и о её вымирании.

Ключевые слова: устный рассказ; историческая память; деревня; коллективизация; послевоенные годы; деревня Туровская; Архангельская область.

O. V. Pechinkina
Arkhangelsk, Russia

ORAL STORY AS THE SOURCE OF THE HISTORICAL MEMORY (CASE STUDY: NORTHERN EXTINCT VILLAGE)

The article aims to create the image of the native village, its perception and memoirs about the traditional lifestyle pattern of the village Turovskaya in the Arkhangelsk Region with the help of oral stories of a person who was born and grew up there. The article studies legends of the village naming, oral narratives about daily routine in 30–50s of the XXth century as well as about extinction of the village.

Key words: oral story; narrative; historical memory; village; collectivization; postwar period; Arkhangelsk region.

В настоящее время существуют различные средства фиксации событий: печатные, аудио-, видео-, цифровые и иные. Начиная с раннего детского возраста каждое поколение постигает историю страны и мира посредством художественных и документальных источников. Дети внемлют рассказам педагогов и родственников, удерживая в памяти наиболее яркие события, сюжеты и персоналии. Долгое время устные рассказы обычных людей о своём прошлом или настоящем не были определены в качестве отдельного фольклорного жанра. Однако вслед за Л. Л. Ивашнёвой согласимся, что «бесценный материал устных рассказов, автобиографических по преимуществу, – это живая летопись народной жизни и нашей истории, как она отображена в судьбах россиян» [Ивашнёва, 2016, с. 60].

Согласно определению Т. В. Зуевой и Б. П. Кирдана [Зуева, 1998, с. 385], устные рассказы воспроизводят личные впечатления о событиях, участником или очевидцем которых был рассказчик, при этом «из множества разнообразных жизненных впечатлений выбирается материал, который, по мнению носителя фольклорного сознания, заслуживает того, чтобы быть рассказанным: он произвёл сильное впечатление на самого рассказчика; заключенная в нем информация может быть полезна и интересна слушателю; события прошлого находят свое созвучие в настоящем и пр.» [Голованов, 2013, с. 89]. Этому же мнению придерживается Л. Л. Ивашнёва, говоря о том, что «в данной жанровой разновидности фольклорной прозы преобладает документальное и в то же время эмоционально окрашенное содержание, связанное с конкретными событиями из биографии рассказчика, чаще всего трагическими. Существенные отличия таких рассказов от других жанров фольклора заключаются и в том, что воспоминания об этих событиях, пусть даже далёкого прошлого, очень важны для человека в личном плане» [Ивашнёва, 2016, с. 61]. Таким образом, устный рассказ позволяет приблизиться к описываемым событиям или периоду времени и понять их восприятие и значимость с позиции очевидца.

Разделяем мысль М. Хальбвакса о том, что «история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память. Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости

фиксировать его письменно, да и вообще как-то фиксировать. Поэтому потребность написать историю того или иного периода, общества и даже человека возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя много свидетелей, сохраняющих о них какое-либо воспоминание» [Цит. по: Жуйковой, 2016, с. 221]. Учитывая вышесказанное, предпримем попытку зафиксировать некоторые этапы жизни одной, к настоящему времени исчезнувшей, деревни Архангельской области.

Объектом исследования является деревня Туровская Шенкурского района Архангельской области, материалами – устные рассказы одного из прежних жителей данной деревни, а именно Меньшикова Геннадия Григорьевича 1937 года рождения [Зап. О.В. Печинкиной от Г.Г. Меньшикова 1937 г.р. 06.07.2017 г. в д. Степычевская Шенкурского района Архангельской области // Личный архив автора]. Считаю необходимым сохранить в работе выразительность и разговорный характер речи информанта, что способствует передаче диалектных особенностей местности и эмоциональной окраски повествования.

Официальное название деревни – Туровская. В издании «Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Архангельская губерния» [Списки, 1861, с. 96] деревня Туровская имеет второе наименование – Березник. Расположена в 45 вёрстах от уездного города Шенкурска, количество дворов в этот период составляло 9, жителей мужского пола – 43, женского – 36. В аналогичном издании 1905 года [Список, 1907, с. 74] количество домов увеличилось до 18, жителей мужского пола – до 83, женского – до 82. В списке 1922 года количество домов сократилось до 10, мужчин – до 32, женщин – до 54 [Список, 1922, с. 165]. В устных рассказах информанта часто звучит уменьшительно-ласкательное наименование – Березничек.

Туровская/Березничек была расположена в 4 километрах от деревни Варамино, которая находится на берегу реки Вага. На данной территории существовало несколько деревень на достаточно близком расстоянии друг от друга, у каждой из них было своё название (Труфановская/Нижняя, Степычевская/Середняя,

Корчагинская/Заполье, Захаровская/Верхняя), но собирательным названием служило Воромина (1861 г.), трансформировавшееся в Варамино к 1922 году. В 1930-е годы в Туровской был образован колхоз «Красный Октябрь». В настоящее время от одних деревень осталось несколько домов, а другие полностью исчезли, в том числе Туровская/Березничек. Сохранилось, в частности, село Шеговары, расположенное на берегу реки Вага примерно в 7 километрах от Варамино.

По словам информанта, существует несколько преданий о происхождении этого куста деревень. Не ясно, являются ли предания изолированными или описывают некую последовательность событий. В частности, они гласят, что «святой Варлаам плыл по реке по Ваге на камне, доплыл до Шеговар, там его мужики и отпихнули. Он сказал: «Гореть вам трижды». И Шеговары трижды горели. А здесь он пристал и сказал, что здесь надо построить церковь. И ещё такая была <...> Где-то тоже церковь строили, и он тут церковь помогал. И змея ползёт по бревну. Он её разрубил топором и выкинул. И на нашей стороне нет змей. Он как бы сказал, что не будет змей. А на той стороне змеи есть». Предположим, что речь идёт о Преподобном Варлааме Керетском.

Детские годы информанта выпали на довоенные и военные годы. С этим периодом связаны воспоминания о коллективизации. Например, воспоминание о водяной мельнице, которой жители владели на паях, и которая «потом ушла как-то в колхоз, да и всё». Жители деревень были небогаты (середняки и бедняки), но у многих были лошади, коровы, «а потом все эти лошади забрали в колхоз. Свели, да и всё. Лошадей всех забрали, ни у кого не оставили. А за коров я не скажу, что было»). Был и достаточно богатый человек, у которого были «два парохода, был там склад-мангазея, как говорили. Пароход один был «Ношуль», колёсный пароход, и «Удачный». «Удачный» возил грузы, а «Ношуль» пассажирский был. Но это в Шеговарах было». По воспоминаниям очевидца, «это единственный хороший дом был, а больше не было, по-моему, у нас богатых».

Семьи, как правило, были большие: «Вот в моём доме жил хозяин, у него три, по-моему, сына, было и две дочери, наверное <...> На полу спали, на полатах».

В рассказе собеседника появляются слова, возможно, неизвестные нашим современникам: ворон^ец, пол^ати. Ворон^ец – это «такой как брус, что ли, там доска. Потом ещё на стенку делают брус и настилают доски. Это называется пол^ати. На Березничке-то мы на пол^атях спали, на матрасах, а матрасы набивали соломой. Обычной соломой».

Ведущим видом деятельности детей дошкольного возраста является игра, однако в 30–40-е годы XX века у деревенских детей было мало игрушек («Потом сами чего делали – самолётики помню. Из полена вытешешь»), так как играть практически не было возможности, в основном приходилось работать: «Летом, когда уже лет десять–двенадцать, уже работали. На сенокосе возили сено». Покосы находились в нескольких километрах от деревни, дети уезжали туда вместе со взрослыми и жили по нескольку дней в шалашах («Были шалаша сделаны, такие вицы дугами и сеном обложены»).

В середине прошлого века у младшего поколения жителей деревни не сохранилось знаний о святом Варлааме, но именно с его именем связано начало сенокоса: «Сенокос после Варламьева дня, а Варлаамий день второго июля, уже начинали косить».

Так как деревни расположены на берегу реки, дети и взрослые постоянно ловили рыбу (щука, язь, окунь и др.) и делали это с помощью морды («это из льна, из конопли. Плели как сетку. Сначала нитку, а потом из этой нитки сетку и натягивали на каркас, а каркас конусом») или сурпы («делали ещё из виц называлась “сурпа”. Тоже типа морды, но из ивовых виц плели. Она прямая плелась, потом конец тут на конус, там было отверстие такое, затыкали его, и как бы горло там внутри ещё было»).

Интерес представляет рацион питания в военные и послевоенные годы. Выращивали ячмень, рожь, картошку, лук, морковь, редьку, репу-голландку. Из последней готовили паренцы (репу «обычно ставили в печь, парили. В чугуна или горшок положат и всё. Там, может, водички чуть-чуть и в печь. Она спарится, как яблоки печёные получаются»). Часто в пищу добавляли мох, клевер. Держали скотину (коровы, овцы, козы, куры), но в военное время многое сдавали в

колхоз: «...сдавали молоко, яйца сдавали, всё сдавали. Если телёнка убьёшь, то и шкуру сдавали. Шерсть сдавали. Всё, в общем, сдавали. Всё, что производили, всё сдавали. Но всё равно оставалось». Из того, что оставалось, делали масло, творог. Пекли пироги с рыбой, ягодами, калачи, губники («это с зелёным луком, с грибами, со всем. Их загибали. Они небольшие такие»), шаньги, колобки («они как пряничек, только его придавят пальцами»), но не пекли козули, которые в других районах Архангельской области являются традиционным пряником.

Информант вспоминает, что в деревне отмечали несколько праздников: День Октябрьской революции, Первое мая, Пасху («на Паску качели вешали, но качались, в основном, дети», «на Паску яйца красили, копили всю зиму, красили луковой шелухой»), Новый год («В Новый год ёлки ставили для детей, сами игрушки делали, бумажные: цепочек наклеят, флажочки разные») и колхозный праздник сбора урожая («наварят пива, напекут всего. И где-то в одной избе, доме соберутся все. Столы соберут все. И вот сидят все <...> Плясали. “Русского” обычно у нас плясали и кадрили»).

В деревне было место, где во время праздников плясали под балалайку. Так, через деревню протекал ручей, обычно его называли Черепанов ручей, но были у ручья ещё два названия: Сашин ручей и Доманы ручей. Объяснялось это тем, что в низовьях ручья стоял дом Саши (Александра), а вверху – Доманы: «Там дом стоял у Доманы. И там был мост. На этом мосту раньше плясали, плясали под балалайку». Таким образом, двойное наименование ручья давало жителям пространственный ориентир.

Наступил момент, когда жители начали уезжать из Туровской/Березничка. Причина кроется в том, что в 1960-е годы начали соединять, укрупнять колхозы, в деревню Варамино провели электричество, а Березничек не подлежал электрификации. Кто-то переехал со своим домом в близлежащую деревню, некоторые перевезли дом в леспромхоз на противоположном берегу реки Вага, кто-то продал дом «на дрова» и купил дом в другом месте. В настоящее время на месте, где

находилась деревня Туровская, не осталось ни одного дома, однако жители близлежащих деревень в своих устных рассказах до сих пор вспоминают Березничек, который исчез с лица Земли более 40 лет назад.

Библиографический список

1. Голованов И. А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2(293). Филология. Искусствоведение. Вып. 74. С. 89–92.

2. Жуйкова Т. Н. Историческая память как основа формирования патриотизма в процессе изучения социально-гуманитарных дисциплин // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1–3. С. 221–226.

3. Зуева Т. В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. М.: Флинта: Наука, 2002. 400 с.

4. Ивашина Л. Л. Автобиографические устные рассказы: к вопросу о жанровой специфике // Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (59). С. 60–64.

5. Список населённых мест Архангельской губернии к 1905 году. Сост. Секретарём губернского статистического комитета Н. А. Голубцовым. Архангельск: Губернская типография. 1907. 230 с.

6. Список населённых мест Архангельской губернии на 1 мая 1922 года. Архангельск. Архангельская типография. 1922. 233 с.

7. Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Архангельская губерния. Санкт Петербург. 1861. 131 с.

References

1. Golovanov I.A. Oral story-memoirs in contemporary communication as a folklore text // Vestnik of Chelyabinsk State University. 2013. № 2 (293). Philology. Cultural studies. Num. 74. S. 89-92. (in Russian)

2. Inventory of the Arkhangelsk Province settlements by 1905. Compiled by the secretary of the province statistics committee N.A. Golubtsov. Arkhangelsk. 1907. 230 s. (in Russian)

3. Inventory of the Arkhangelsk Province settlements in May 1st, 1922. Arkhangelsk. 1922. 233 s. (in Russian)

4. Inventory of the Russian Empire settlements prepared and published by the central statistics committee of the Ministry of Internal Affairs. Arkhangelsk Province. Saint Petersburg. 1861. 131 s. (in Russian)

5. Ivashnyova L.L. Autobiographical oral stories: to the question of genre specifics // Humanities studies. 2016. № 3 (59). S. 60-64. (in Russian)

6. Zhyikova T.N. Historical memory as the basis of patriotism formation in the process of the social and humanities study // Social security, legitimacy and law enforcement in the third millennium. 2016. № 1-3. S. 221-226. (in Russian)

7. Zueva T.V., B.P. Kirdan. Russian Folklore: Textbook for higher education institutions / T.V. Zueva, B.P. Kirdan. M.: Flinta: Nauka, 2002. 400 s. (in Russian)